

Окончание. Начало в «РМ» №4184.

А.И.Куприн

Если верить словарям и моему собственному самоощущению, то мой первый литературный грех надо отнести ко временам Нестора Кукольника. На самом деле я несколько моложе.

Первое мое сочинение, появившееся в печати, было так незначительно и плохо, что я его совсем позабыл и рад этому. Помню только, что я был в ту пору юнкером Александровского училища в Москве, и за своевольное напечатание своего произведения без цензуры и разрешения высшего начальства был посажен под простой арест на трое суток с исполнением служебных обязанностей.

Однако горчайшее и суровейшее наказание ожидало меня в светлом и даже уютном карцере. От скуки и развлечения я захватил с собою в карцер первую попавшуюся книжку. Оказалось, что это «Казак» Льва Толстого, повесть мне тогда еще неизвестная. Читая и перечитывая ее, я холодел от восторга и плакат от умиления. И тут-то с мучительным стыдом я понял, что моя новелла не годится ни к черту.

М.А.Осоргин

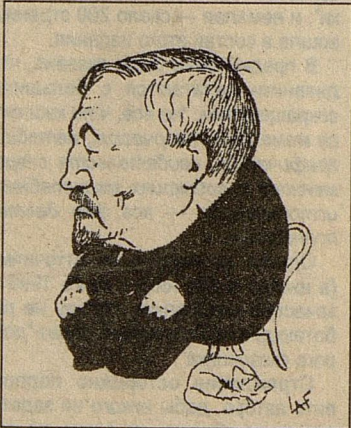
Мой литературный дебют был таков. Гимназистом, в 1895 году, я послал рассказ в только что открывшийся «Журнал для всех», и рассказ был напечатан. А рассказывал я в нем, как один священник ждал на пристани свою дочь, гимназистку, которая должна была приехать на каникулы к нему в деревню. Пароход пришел, дочка приехала, но, проходя по сходням, упала в воду и утонула, а отец сошел с ума и стал бегать по полям. Сильная штука! Потом я написал еще один рассказ, как мать зарубила топором своего ребенка, да еще другой, побольше — как два господина разговаривали мирно, а потом один хватил другого пресбываром по виску — и насмерть! Все — кровавые рассказы. А был я мальчик тоненький, худенький и чувствительный.

А.М.Ремизов

Охотнее всего и с подробностями любят старые писатели вспо-

Литературные дебюты писателей

минать о начале своей литературной работы. Спросите у Льва Исааковича Шестова, вот кто порасскажет мастер — десять вечеров будете слушать, а всего не переслушаете: и как ему «опытные писатели» слог выправляли с «плева-тельницей», то бишь, чернильницей», и как Тулов к Толстому за статьей ездил, и о Бердяеве, и о Челпанове. Умеет Николай Александрович Бердяев вспомнить такие обстоятельства, какие в историю литературы не попадают и во все не уместностью, а по небрежности и невниманию сочините-

Худ. ЛАФ. Шарж на А.И.Куприна.

лей. И все это понятно, ведь с первым напечатанным произведением связаны самые яркие надежды, и лишь раз чувствуешь в себе твердую уверенность: еще вчера ничего, а с сегодняшнего числа попал в ряды неизгладимых никаким временем имен: от Фасчела до Толстого. Когда появилось мое первое напечатанное произведение «Плач девушки перед замужеством» (...) и притом совершенно неожиданно для меня — мои начинания не одобрил ни один «опытный писатель» — я, вознесенный до Фалеса, прежде всего задал себе вопрос: как же я себя именовать должен? И летом, на следующий год, очутившись в Херсоне, на опросном листке городской библиотеки, в первый раз написал в рубрике занятий: «писатель».

Когда писал, ничего не пропустил в «писателе», ни одной бук-

вы, но когда подал листок с «писателем» библиотекарше, и она, взглянув на него, как-то так посмотрела на меня — так смотрят подозрительные на почте, когда подаешь заказную бандероль с надписью: «manuscrit pour l'impression», которая расценивается как «imprimé» — и я посмотрел на нее... А через три дня попросил знакомого снести в библиотеку взятую книгу, и больше не

М.Цветаева

Первую свою книгу стихов «Вечерний альбом» я выпустила в 1911 г., в Москве, в VII клас-се» гимназии. Издала сама.

И.Шмелев

<...> Ранней весной 1894 г., готовясь на аттестат зрелости, я почувствовал непреодолимое же-

стал брать книг, так и залог пропал.

Прошло три года, напечатан был мой роман «Пруд», а уж в «Курьер» меня больше не принимали. Случилось, искал я квартиру и обратился к какому-то «полковнику»: сдавал квартиры в собственном доме. Говорили об условиях, и чего можно, и чего нельзя, и как всегда говорили не о действительных требованиях, а о возможных; я несколько раз спрашивал: «можно ли петь после двенадцати?» — и не потому, чтобы я пел, а имея в виду наезды из Петербурга Льва Исааковича Шестова. И когда обо всем договорились, полковник обратился ко мне с самым животрепещущим для меня вопросом: «чем вы занимаетесь?» И я не нашел в себе той уверенности, какая была у меня в херсонской библиотеке, и не без застенчивости, но и лукаво ответил: «я так». И ответ мой решил все дело: от квартиры пришлось отказаться — одна из комнат в подвальном этаже оказалась залита водой — но сколько ни просил я вернуть задаток, 20 рублей, «полковник» не вернул. Но когда же — в какие сроки я найду в себе право называться без всякого такого, двусмысленного «так» — «писатель»? Я об этом долго потом думал. И как-то совсем незаметно — автоматически прикрепило название. И в войну я уже смело сказал хозяйке, передававшей квартиру, что я писатель; и получил ответ: «У меня муж был писатель, ни за какие деньги!» Но я не оправдывался и не опровергал. И теперь, после столько лет литературной работы мне не раз приходилось здесь, в Европе, доказывать свое звание: не верят — и в карт д'идантите я не числюсь «писатель», а Rédacteur. И скажу так: не всякому дается легко прыгнуть в Фалесы, но еще труднее удержаться.

В.Ф.Ходасевич

Я был знаком с С.А.Соколовым (Кречетовым), который редактировал альманахи «Трифа». Однажды, в самом начале 1905 г., я прочитал ему (без всякой мечты о печатании) три стихотворения. К удивлению моему (и к великой, конечно, гордости) он сам предложил их напечатать. В ближайшей книге альманаха они появились. Я навсегда остался благодарен С.А.Соколову, но думаю, что в ту минуту он слишком был снисходителен: стихи до того плохи, что и по сию пору мне неприятно о них вспоминать, хотя я писал их восемнадцати лет.

зайти. Анатолий Александров встретил меня радушно, усадил в кресло, сказал, что рассказ хорош, что у меня «живая русская речь», и рассказ напечатает. Я вышел — как в тумане. Перейдя на второй курс, я женился и совсем забыл о рассказе. В середине июля 95-го года я получил толстую книгу в голубоватой обложке. «У мельницы», помню, было напечатано убогим шрифтом, как и все, страниц двадцать — и ни одного пропуска, ни одной поправки! Дня два я был счастлив, потом забыл. Знакомых из литературной среды у меня не было — чтобы узнать их мнение. Прочли свои — только. Недели через две я получил письмо редакции — зайти за гонораром. А я о нем и не мечтал. Очень любезная встреча, рукопожатие, кресло под большой пальмой. «Ваш рассказ многим нравится!» Я молчу. — «Продолжайте, будем вам рады. Вот ваш гонорар». И вручает мне... во-семь-десят рублей! А я за десятку совсем еще недавно ходил пешком через всю Москву — давал урок гимназисту шестого класса. Редактор сказал, что я, очевидно, люблю Тургенева, заметно влияние «Записок охотника», но есть и свое... надо работать! — «Любите наш журнал?» — Я что-то прошептал: я не знал, что это за журнал. И тут-то узнал о К.Леонтьеве — восторженное повествование! И пальма, и стол, и самый журнал — все это были — его! «Теперь вы обязаны узнать

ление написать о старой мельнице, где летом я ловил рыбу на омуте, где слышал рассказы старого мельника. Помню, отбросив кни-

Худ. ЛАФ. Шарж на В.Ходасевича.

ки, я с жаром начал писать и чуть ли не в один вечер написал очень большой рассказ «У мельницы». Куда нести и «как это делается» — не знал. Помнил, что есть на Тверской ул. вывесочка на углу: журнал «Русское обозрение». Это был толстый журнал, основанный знаменитым писателем, художником-мыслителем Константином Леонтьевым, — как я потом узнал — и выходявший теперь под редакцией горячего почитателя и его ученика приват-доцента Московского университета Анатолия Александрова. Если бы знал это я тогда, не посмел бы — гимназист! — пойти туда. Добрый швейцар позволил мне вручить рукопись самому редактору, красивому господину с пыльными седеющими волосами. Редактор принял мило и сказал зайти месяца через два. Я зашел. Опять — «через два месяца». И я забыл о рассказе. Уже студентом, в марте 1895 г. я получил редакционное письмо

его! это... необычайный русский человек, великий художник и пророк!» — сказал со слезами в глазах редактор. — «Я приговариваю для вас его книги... зайдите».

Я принес осенью рукопись «На скалах Валаама». Она понравилась, но Ан. Александров потребовал выбросить ряд мест, не отвечающих духу журнала. Я не согласился. Он уговаривал меня, обещал кроме платы отпечатать до трехсот оттисков, покрыть обложкой — «и вы можете выпустить книжкой и выручить рублей двести!» Нет, я не согласился. «О, какой вы!» — сказал он, качая головой. Мне было стыдно, но... я не мог согласиться.

Книжка моя вышла и была схвачена цензурой по требованию Победоносцева: из нее выдрали до сорока страниц. Вклеили с изменениями. Книжка с годами прошла вся на Сухаревке: 2400 экз. Я не захотел впоследствии переиздать ее, хотя и предлагали.

С этого моего отказа подчиниться воле редактора наступила десятилетняя полоса, когда я не писал ни строчки до революции 1905 года. С этой поры началась моя непрерывная работа — не без перерывов, правда.

Предисловие и публикация РАШИТА ЯНГИРОВА

Москва